

А. Амфитеатров, А.В. Амфитеатров

Против течения

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А. Амфитеатров**
Против течения / А. Амфитеатров, А.В. Амфитеатров – М.: Книга по Требо-
ванию, 2016. – 256 с.

ISBN 978-5-517-99956-6

ISBN 978-5-517-99956-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Времена и нравы.

Предо мною лежит номеръ столичной газеты. Четыре страницы. На первой—телеграмма объ изнасилованіи отцомъ дочери въ Варшавѣ. На второй—корреспонденція объ орловскихъ «огаркахъ», обществѣ подростковъ, собиравшихся для свальнаго грѣха. На третьей—восторженная корреспонденція изъ Берлина о пьесѣ Ведекинда, изображающей, какъ мальчикъ 15 лѣтъ сдѣлалъ матерью дѣвочку 13 лѣтъ. На четвертой—замѣтка о пьесѣ Соллогуба, изображающей, какъ отецъ отбилъ жениха у дочери, а сія послѣдняя, въ благодарность родителю, снимаетъ «подъ занавѣсъ» *ветхія одежды словъ* и папашѣ своему отдается: «хочу»!!!.

Живя въ Парижѣ, я очень отсталъ было отъ текущей русской литературы. Итальянская глушь дала досугъ возобновить болѣе или менѣе правильное слѣженіе за перлами и алмазами россійской словесности. Выписалъ кучу книгъ и наслаждаюсь. Предо мною—наиболѣе рекламированныя въ послѣднее время и наиусерднѣйше смакуемыя критикою, повѣсти и стихотворенія русскихъ авторовъ, изъ коихъ многіе не такъ, чтобы очень молоды, но уже съ сѣдыми волосами на главахъ и въ брадахъ своихъ. Не пугайтесь, читатель мой: я не критическое обзорѣніе писать собираюсь, равно какъ не этическую полемику начинаю. Я просто долженъ дать здѣсь кусочекъ патологической статистики, свидѣтельствующей о томъ, чѣмъ сейчасъ

набита голова у русскаго обывателя литераторствующаго, и что, по коварному тяготѣнію къ сообществу — «съ міромъ не стыдно!» — вбиваетъ онъ въ голову русскаго обывателя читательствующаго.

Получается что-то въ родѣ секретнаго отдѣленія въ паноптикумѣ. Съ тою разницею, однако, что паноптикумы открываютъ свои секретныя отдѣленія лишь для взрослыхъ, притомъ для каждаго пола порознь; въ новой же русской литературѣ не практикуются ни «входъ малолѣтнимъ воспрещается», ни «по пятницамъ — только для дамъ». Вали, кто хочеть, когда хочеть, и — чѣмъ больше, тѣмъ лучше!

Итакъ, я начинаю.

№ 1. Гдѣ у человѣка растутъ крылья, или англичанинъ, влюбленный въ банщика, и гимназистъ, влюбленный въ англичанина.

№ 2. Семейное счастье двухъ студентовъ, изъ коихъ одинъ былъ мужъ, а другой — жена.

№ 3. Какъ Леля «жила» съ Олею.

№ 4. Какъ Оля «жила» съ Лелею.

№ 5. О крестьянской дѣвицѣ, которая, почитая себя порченною, сожгла своего ребенка, а въ видѣ эпитиміи сошла въ сожительство съ безносимъ сифилитикомъ, была многожды изнасилована въ розницу и, наконецъ, подверглась насилію оптомъ, каковой марки не выдержала и сладостно скончалась, по смерти же была выброшена въ болото.

№ 6. О братѣ, возжелѣющемъ къ сестрѣ своей и ревнующемъ ее къ офицеру, но тщетно, ибо офицеръ — Гальгиморъ.

№ 7. Какъ нимфы любили сатировъ и пастуховъ, но измѣняли имъ для сатирессъ съ козлиными ногами.

№ 8. Уже упомянутый выше скандалъ въ благородномъ семействѣ: родитель, снимающій съ себя ветхія одежды словъ, чтобы сожительствовать съ дочерью, отбивъ ее у жениха.

№ 9. О дамѣ, которая любила сидѣть голою въ жарко натопленной комнатѣ, и о дуракахъ, которые находили это занятіе гениальнымъ.

№ 10. Летающій сперматозоидъ, или юнкеръ, способный побѣдить четырехъ дѣвицъ въ четыре минуты.

Читатель извинить меня, если я, въ данномъ реестрикѣ, ограничусь лишь краткимъ изложеніемъ темъ и сюжетовъ, но не назову ни авторовъ, ни заголовковъ ихъ произведеній. По моему глубокому убѣжденію, это—единственный способъ и порядокъ, въ которыхъ можно и должно обсуждать общественную язву мысленнаго и словеснаго разврата, затянувшего русскую литературу въ сѣти порнографіи патологической и промышленной. Ибо всѣ негодованія, какъ притворныя, такъ и дѣйствительныя, всѣ полемики, возгоравшіяся вокругъ именъ и господъ, промышленяющихъ обращеніемъ литературы въ секретное отдѣленіе паноптикума,—въ концѣ концовъ—не болѣе, какъ рекламы имъ, съ другой стороны: рекламы, умышленно или неумышленно обращаемаыя къ той низменной части публики, для которой похабная книжка и картинка дороже всего. До сей поры вся подобная публика изнывала безъ своей «Ванькиной литературы», не зная, гдѣ ее добывать и какія въ ней являются новости. Лѣтъ сто монопольно владѣли вниманіемъ любителей клубнички Барковъ, юношескія прегрѣшенія Пушкина и Лермонтова, да запретныя русскія сказки, заграничный отбросъ знаменитаго Афанасьевского сборника. Оно, конечно, забористо, но примелькалось уже нѣсколько, да и грубовато: тамъ свинья—такъ она и есть свинья, и даже не чушка. А мы теперь стали люди просвѣщенные, и, слѣдовательно, подавай намъ свинью не свиньей, но свинкою, чушкою, чушечкою, бѣлымъ поросеночкомъ съ голубою ленточкою на шеѣ и золотымъ бубенчикомъ на хвостикѣ. И вотъ—для спеціального обрѣтенія благопотребныхъ порнографической публикѣ поросятъ типа «*si jeunes et si bien decorés!*»—завелась въ

периодической печати особая замѣточная критика, каталогъ и указатель поросячьихъ мѣстонахожденій и залежей. Не думайте, чтобы она хвалила ихъ, какъ общественное явленіе,—Боже сохрани! нѣтъ! Да въ этомъ и надобности не имѣется, такъ какъ для обслуживанія идейными похвалами и восторгами декорированное поросячество завело собственные журналы и газеты, весьма къ дѣлу своему ревностные и страстные. Напротивъ, сказанная критика даже поругиваетъ иногда поросячество: что это молъ за безобразіе, право?—ступить стало некуда, все поросята подъ ногами вертятся,—столько въ литературѣ свинства развелось!.. Но, поругивая, никогда не забываетъ выразительно прищуриться однимъ глазкомъ, прищелкнуть языкомъ и заключить:

— Но, по правдѣ молвить, ужъ и поросята! Можно чести приписать! Нигдѣ не найдете подобныхъ! Насквозь саломъ проросли, подлецы... даже смотрѣть противно! Конечно, гадость. Однако, ежели этакого поросенка—на любителя,—пальчики оближеть. А продается эта гадость такимъ-то и такимъ-то, подъ фирмою такую-то и такую-то.

Что господину такому-то и такому-то, торгующему поросячествомъ подъ фирмою такую-то и такую-то, и требовалось публиковать. На завтра онъ окруженъ Геростратовою славою, и любители поросячества, расхватывъ «литературные» труды его въ книжныхъ лавкахъ, съ любопытствомъ освѣдомляются у продавцовъ:

— А что? Господинъ Пятачковъ не сочиняютъ-ли еще что-нибудь въ семь-же родѣ? Если какая ихняя книжка выйдетъ, вы, ужъ будьте добры, ее намъ — первымъ долгомъ... непременно!

Замѣточная критика заботливо идетъ навстрѣчу и этимъ запасливымъ интересамъ потребителя. Развивая Геростратову славу своихъ кліентовъ, она заранѣе увѣдомляетъ рынокъ, какое новое поросячество печатается, пишется,

даже замышляется, гдѣ, когда, при чьемъ содѣйствіи, подѣ чьимъ покровительствомъ. Оглашаются біографическія мелочи о мастерахъ поросячьихъ дѣлъ, ихъ адреса, ихъ интимности. Словомъ, кимвалы и тимпаны, указательные персты и электричествомъ вспыхивающія, буква за буквою, вывѣски—все пущено въ ходъ для того, чтобы поросячій читатель не сбился съ дороги, но прямо и торжественно прослѣдовалъ къ фирмѣ:

— «И вотъ заведеніе!»

* * *

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ плылъ я изъ Константинополя въ Одессу—городъ, мнѣ незнакомый. Случилось, что одесситовъ на пароходѣ было очень мало. Наконецъ, разговорился я съ какимъ-то жизнерадостнымъ субъектомъ, выдававшимъ себя за пшеничнаго экспортера. И не сказали мы другъ другу двухъ словъ, какъ принялся онъ мнѣ Одессу ругать:

— Гнусный нашъ городъ... безнравственный нашъ городъ!.. У мальчишекъ-гимназистовъ съ тринадцати лѣтъ любовницы объявляются... такъ о взрослыхъ что же говорить! Помилуйте! Ну, гдѣ еще въ Россіи вы найдете такой домъ свиданій, какъ подлѣйшую нашу m-me Гольденбергъ?

Онъ назвалъ фамилію знаменитой въ своемъ родѣ одесской посредницы по амурнымъ дѣламъ и быстро рассказалъ нѣсколько анекдотовъ объ ея пикантной дѣятельности. Надѣюсь, что не согрѣшаю, и никого не введу въ соблазнъ, называя здѣсь эту фамилію en toutes lettres, такъ какъ, по рассказамъ моихъ знакомыхъ одесситовъ, «фирма» уже прекратила свое существованіе, и хозяйка ея умерла.

— Однако, говорятъ, у васъ въ Одессѣ очень развита общественная жизнь?

— Сказки! Никто ничего не дѣлаетъ. Толкутся на

биржѣ, гуляютъ по Дерibasовской, продаютъ пшеницу, а барыши прогуливаютъ съ дѣвками въ грабилонкѣ у м-те Гольденбергъ.

— Дума у васъ очень передовая...

Называю два-три имени...

— Что-о-о? Этоть-то? Да онъ, безстыжій, дни и ночи проводитъ въ вертепѣ у м-те Гольденбергъ.

— Театръ превосходный... Вотъ я сейчасъ читаль въ газетѣ: такая-то у васъ служить будетъ... Это — звѣзда!

Ироническая улыбка:

— Какъ же, какъ же!.. Вѣрнѣйшая кліентка этой негодяйки м-те Гольденбергъ.

Упомянешь о какомъ-нибудь фактѣ одесскаго прошлаго, — хронологія:

— Давняя исторія!.. Тогда м-те Гольденбергъ еще только начинала свою отвратительную карьеру!..

Хочу провѣрить адресъ знакомаго, — географія:

— Это, знаете-ли, на углу второго переулка направо отъ м-те Гольденбергъ.

Въ концѣ-концовъ, послѣ почти суточного плаванія и непрерывныхъ разговоровъ съ одесситомъ объ Одессѣ, я покинулъ пароходъ, все-таки не зная о городѣ, меня ожидающемъ, рѣшительно ничего новаго и интереснаго, кромѣ того, что имѣется въ немъ нѣкоторая м-те Гольденбергъ: «подлая», «гнусная», «грабительница», «негодяйка», «содержательница вертепа», но — подобной мадамы нѣтъ ни въ какомъ другомъ городѣ Россіи, живой товаръ у нея внѣ конкуренціи, а адресъ ея такой-то, а преискурантъ ея — этакій-то.

Откровенно говоря, иностранецъ, который сейчасъ задумалъ бы знакомиться съ русскою литературою по вогнутымъ и выгнутымъ зеркаламъ ея рекламной критики, очутился бы въ состояніи не большей и не умнѣйшей освѣдомленности, чѣмъ я — объ Одессѣ, послѣ разъ-

ясней спутника, пропустившаго свое міровоззрѣніе черезъ розовыя призмы оконъ m-me Гольденбергъ. Онъ спрашиваетъ: гдѣ русская общественная мысль? Ему показываютъ: а вотъ—видите—публичный домъ и около него сорная куча? Это она самая и есть! Онъ ищетъ: чѣмъ отразилось въ художествѣ слова русское освободительное движеніе? Предъ нимъ отдергиваютъ зеленую занавѣску съ непристойной картинки, гдѣ нимфы обнимаются съ сатирами. Онъ проситъ: покажите мнѣ надежды вашей страны, познакомьте меня съ молодежью. Его ведутъ къ—якобы—студентамъ, охваченнымъ однополою любовью, и къ таковымъ-же—якобы—курсисткамъ. Онъ пробуетъ опредѣлиться въ отношеніяхъ между старшимъ поколѣніемъ и младшимъ. Ему рекомендуютъ къ руководству драму, какъ папенька амурится съ дочкою. Онъ испытываетъ: въ чемъ идеаль русской женщины? Оказывается—сидѣть нагишомъ на соблазнъ идиотическимъ павіанамъ, въ ожиданіи юнкера изъ потомковъ поручика Кувшинникова, который придетъ и скажетъ:

— Ты мнѣ мо-мо-то не разводи, а подавай самое настоящее!

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что русское общество усталое и отъ реакціонныхъ побоевъ, и отъ революціонныхъ потугъ, переживаетъ сейчасъ полосу патологическую, мало располагающую къ нормальному наблюденію, мышленію, слову. Нѣтъ также никакого сомнѣнія, что патологическое состояніе не погасило еще общественнаго сознанія настолько, чтобы совершенно упразднить стыдъ и совѣсть передъ процессами разнообразнаго оживотнѣнія, исподволь наползающаго со всѣхъ сторонъ жизни,—истоптанной, запуганной, столь нагло и откровенно изнасилованной пестротою произволовъ, что ей ужъ и невозможно скрывать срамы и позоры свои, если бы даже хотѣла. Вѣдь всѣ эти пестрогрязные процессы, всѣ эти компромиссы съ порабощающею дѣйствительностью, всѣ

эти плотскіе капризы и вопли слишкомъ наглядно свидѣ-
тельствуютъ о трусливомъ переутомленіи обывателя энту-
зіазмомъ недавнихъ освободительныхъ усилій, о бѣгствѣ
изъ-подъ знамени, о дезертирствѣ съ поля обществен-
ной брани подъ мирной кровью дома... да, ужь добро
бы, хоть своего, а то—мы видѣли: едва ли не публич-
наго! Факты налицо, но—кому же лестно сознать
себя ничтожествомъ, которое—въ то время, какъ «станъ
погибающихъ за великое дѣло любви» истребляется вра-
жескими мечами,—мало, что прячется за бабью юбку,
но еще художнически любитъся ея узорами и вос-
хищается струящимися отъ нея ароматами? И вотъ—
является стремленіе подмѣнить обличительныя «низкія
истины» утѣшеніями и подлогами «насъ возвышающаго
обмана». Созидаются хитрыя и заковыристыя тео-
ріи, чтобы оправдать дезертирства и выдать ихъ за
трансформацію служенія свободѣ. Выкрики эгоисти-
ческихъ капризовъ и себялюбивой блажи выдаются за
борьбу и побѣду индивидуалистическихъ началъ. И, па-
родировавъ Магомета, который зеленое знамя Священной
войны сдѣлалъ изъ юбки жены своей Айши, дезертиры
пытаются увѣрять публику, будто узорчатые юбки, за
которыми они спрятались и красоты которыхъ воспѣваютъ
вычурными флоритурами любово-страстныхъ темъ, спиты
изъ той же матеріи, что красныя и черныя знамена, а,
слѣдовательно, и приходятся знаменамъ этимъ ближай-
шею роднею. Какое кощунство! Какая недостойная, по-
шлая, вредная ложь!

Это лицемѣріе, эта масочность, старающаяся возвести
скверну въ подвигъ и кощунственно пришивающая къ фри-
гійскому кошаку кокарду съ фаллическимъ значкомъ,—
самая опасная и скверная сторона порнографіи, выдающей
себя за русскую беллетристику «стиля модернъ». Есть — вѣрнѣе сказать: было — стихотвореніе Валеріи
Брюсова.

Золотистыя феи
Въ атласномъ саду!
Когда я найду
Ледяныя аллеи?
Влюбленныхъ наядъ
Серебристыя всплѣски,
Гдѣ ревнивыя доски
Вамъ путь заградятъ.
Непонятныя вазы
Огнемъ озаря,
Застыла заря
Надъ полетомъ фантазій.

Комментируя сіе загадочное произведеніе, Владимиръ Соловьевъ писалъ когда-то съ тою спокойною насмѣшливостью, что была такъ характерна для него и сверкала подъ перомъ его, какъ убійственное орудіе разрушенія.

— Сюжетъ этихъ стиховъ столько же ясенъ сколько и предосудителенъ. Увлекаемый «полетомъ фантазій» авторъ засматривался въ досчатыя купальни, гдѣ купались лица женскаго пола, которыхъ онъ называетъ «феями» и «наядями». Но можно ли пышными словами заглазить поступки гнусныя? И вотъ къ чему въ заключеніе приводитъ символизмъ! Будемъ надѣяться по крайней мѣрѣ, что и ревнивыя доски оказались на высотѣ своего призванія. Въ противномъ случаѣ, «золотистымъ феямъ» оставалось бы только окатить нескромнаго символиста изъ тѣхъ «непонятныхъ вазъ», которыя въ просторѣчїи называются шайками и употребляются въ купальняхъ для омовенія ногъ.

Изъ попытокъ украшать словами пышными поступки гнусныя слагаются въ настоящее время всѣ эти «Лики Творчества», спасающіе вселенную «освобожденіемъ плоти». Въ одномъ изъ очерковъ Щедрина является на сцену дѣйствительная статская совѣтница, которая подьмелетъ благосостояніе цѣлой волости чрезъ то, что носитъ на

поясниць брилліантовое солнце. Это смѣшно. Но, когда васъ хотять серьезно увѣрить, что кровосмѣситель развратомъ своимъ служить прогрессу человѣчества, освобождая плоть отъ ветхой одежды словъ, это уже даже не смѣшно, а просто гадко. Предъ вами невольню встаетъ другой щедринскій персонажъ: поросенокъ, который всячески старался увѣрить публику, что онъ не поросенокъ, а только прыскается поросячьими духами.

Нельзя пѣть марсельезу на мотивъ камаринской безъ пропусковъ. Нельзя «одною рукою крестное знаменіе творить, а другою неистовствовать». И, сколько бы ни лилось пышныхъ словъ къ украшенію гнусныхъ поступковъ, никакимъ «ликамп творчества» не удастся установить родства между публичнымъ домомъ и баррикадою и рабовъ низменной похоти костюмировать сотрудиниками освободительной борьбы. Это—не передовые люди, но—реакція, и реакція скверная, опаснѣе иной политической. Исторія не знаетъ народовъ, которые находили свободу свою чрезъ педерастію и лезбійскія игры, но знаетъ безчисленное множество эпохъ, когда деспотическая или тиранническая власть говорила народамъ своимъ:

— Развратничайте и пьянствуйте, какъ хотите,— только чуръ, не мѣшаться въ мою политику!

Я беру эту формулу готовою изъ автобіографіи А. М. Скабичевского, печатающей въ «Русскомъ Богатствѣ». Именно такимъ назиданіемъ привѣтствовали нѣкогда кіевское студенчество генераль-губернаторъ Бибиковъ. Теперь не столь откровенны, но—къ чему тратить слова? Они—серебро, а краснорѣчивое молчаніе—золото. Публика настолько развилась и преуспѣла, что и безъ многоглаголанія понимаетъ, гдѣ уготованные для нея раки зимуютъ. И, подобно тому, какъ раки ѣдятся и просто вареными, но деликатнѣе ѣсть ихъ подъ соусомъ бордолезъ, такъ и современное распутство рус-